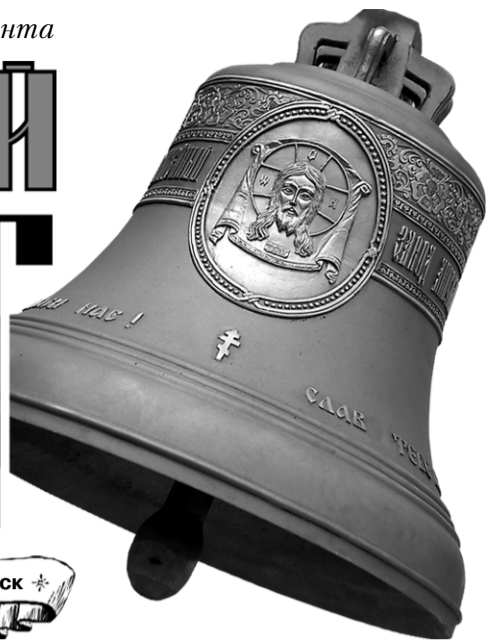

ТИХОНОВСКИЙ ВЯТГОВЕСТЬ

№12 (192) 2019

Приходской вестник храма святителя Тихона, Патриарха Московского и Всероссийского, г. Обнинск

выходит с января 2004 г.

Эти слова — ключевые для христиан, ибо христиане веруют, знают, что жизнь человека со смертью не заканчивается, а продолжается в ином, духовном мире, вступая в основную, вечную свою фазу. Причем Великий Переход может произойти в любой момент его земного бытия. А потому многие верующие стараются проживать каждый день, как последний.

Каким же я хочу быть при кончине? С именем Бога на устах и в сердце. Раз так, то на протяжении дня я должен не упустить ни одной возможности молитвенно вздохнуть Богу, покаяться Ему в совершаемых грехах, попросить Его помощи, поблагодарить Его, воспеть Ему хвалебную песню.

Каким я хочу быть при кончине? Умиротворенным, то есть иметь мирную, ничем и никем не возмущаемую душу, чистую совесть, примиренность со всеми людьми, успокоенность, благодушие, то есть светлую, тихую душу. Раз так, то мне каждый день нужно искать всего этого, то есть мириться с обидчиками, уступать, прощать, терпеть, не воздавать злом на зло, честно трудиться, не говорить и не делать неправды, стремиться к пониманию и теплоте отношений с близкими людьми. Одним словом, покрывать все любовью. Это бывает трудно, но Богу угоден этот труд, и Он обязательно подает Свою благодать, Свою помощь труждающемуся, не надо даже в этом сомневаться!

Каким я хочу быть при кончине? В любви к Богу и любви к ближним, а это достигается непрестанной милостыней и другими добрыми делами во славу Божию. А потому буду каждый день искать повода к милостыне, то есть буду искать тех, кому можно подать — денежку, хлебушек, стакан горячего кофе, бутылочку с водой. Каждый мой день должен быть днем милосердия и сострадания к тем, кто нуждается в этом милосердии и сострадании. Нужно каждый день иметь готовность и желание прийти на помощь ближним, когда возникнет необходимость.

КАКИМ Я ХОЧУ БЫТЬ ПРИ КОНЧИНЕ?

Великому русскому подвижнику XIX века, святителю Игнатию (Брянчанинову), принадлежат такие слова: «Живи каждый день так, как будто ты должен каждый день умереть. Если можно умереть всякий час, то всякий час и должно быть готовым к смерти. Будь всегда таким, каким желаешь быть при кончине».

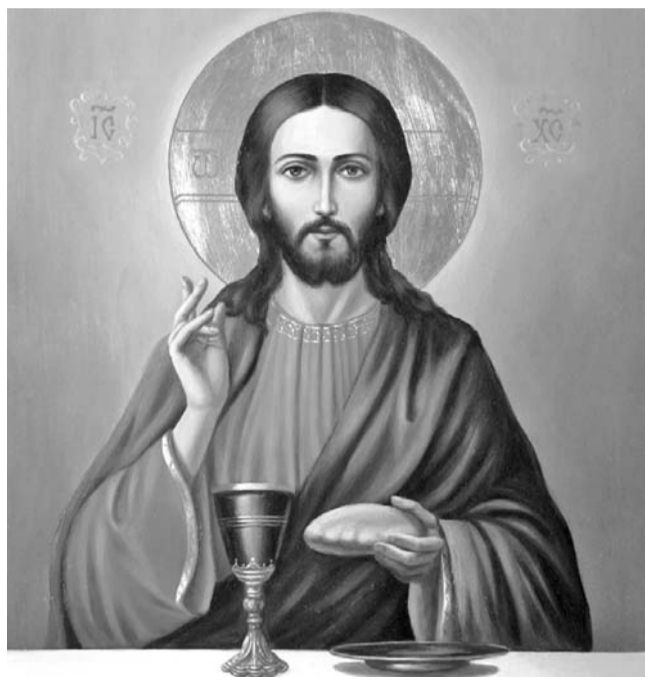
Каким я хочу быть при кончине? В надежде на спасение и вечную жизнь. А потому нужно каждый день, каждый отпущенный час просить у Господа даровать вечную жизнь, избавить вечной смерти. Нужно вполне осознавать, что вечная жизнь уже началась, с самого первого дня зачатия твоего. Мы живем на земле, но «параллельно» с этим идет и наша вечная жизнь. Смерть отнимет жизнь у тела, но вечная жизнь души продолжится. И вот эту вечную жизнь и нужно просить у Господа каждый день, каждый час, каждый вздох.

Каким я хочу быть при кончине? Чистым и, насколько возможно, свободным от греха, ибо как нечистое, грязное, темное может войти в Царство Света? А раз так, то покаяние нужно сделать вторым своим дыханием. Нужно на протяжении каждого дня, каждого часа покаянно вздыхать Богу, окаивать себя, как советуют святые отцы. Как это — окаивать? Это значит — не видеть в себе ничего хорошего, но зато зорко замечать всякую нечистоту души своей, нечистоту, которая являет себя в разговорах, делах, поступках, мыслях.

Даже если вроде бы ничего явно плохого за тобой «не числится», копай глубже — на

самом дне души своей ты обнаружишь топкое болото гордости, самомнения, возношения, тщеславия, которые по тонким «трубочкам» мыслей питают ядом многие дела твои, в особенности — дела благотворительности. Нужно понимать это и ежечасно просить у Господа исцеления, прощения, спасения. Он один и может исцелить тебя, Он для этого и в мир пришел, чтобы распяться за наши грехи на кресте, чтобы мы крестом Его спасались и жили вечно.

Каким я хочу быть при кончине? Причастен Святым Христовых Таин. А значит, нужно стараться как можно чаще бывать в храме, исповедоваться и причащаться. Хотя бы раз в месяц причащаться, а если есть силы, то чаще. Прекрасно причаститься перед смертью, соединиться со Христом в этом великом таинстве. Но будет ли у нас такая возможность? Не будет, если, например, нас постигнет внезапная смерть, а мы непростительно долго тянули с этим. А потому постарайся не откладывать это таинство «на потом». «Потома» никакого

может и не быть, и мы уйдем ко Господу без должного христианского напутствия.

Каким я хочу быть при кончине? Спасенным. А потому буду всюду в своей жизни зыскивать Спасителя, устремляться к Нему всей душой, всем разумением, всей крепостью своею. Жить и надеяться, что, несмотря на всю грязь моей души, Он хочет меня спасти. Нужно захотеть того же — и, в союзе этого взаимного желания, идти навстречу друг другу.

Придет смерть: сегодня ли, завтра ли, но мы будем готовы к ней, ибо жили в постоянном духовном напряжении, трезвении, ожидании помощи свыше. Будем верить, что Господь не оставит нас, что смерть не отнимет нас от Него, а лишь откроет двери в бесконечный, необъятный мир Божественной любви.

Артемий Слезкин

И я бы сегодня провел речь об этой молитве с ее конца. Оттуда, где «лукавый». Он ведь именно «лукавый», то есть «хитрый», «двусмысленный», «способный к обману». Сегодня он силен. Его власть, замешанная на открытом сатанизме одних, на наркотиках и разврате других, на безбожных теориях, на похоти власти и прочем, позволяет предстать диаволу в образе существа сильного. В современном сознании он могуч и уже не скрывается. В кажущемся благополучным XIX веке Гоголь увидел то, что выразил в короткой фразе: диавол вышел в мир без маски. И вот сегодня он созывает слуг своих на последнюю битву и бывает так ослепителен в своих видимых успехах, что способен поколебать даже избранные души. Кому это не открыто? Кто этого не заметил? Кто не заметил, тот и не молится.

Изначально он просто хитрец. Он змей, который «хитрее всех зверей полевых». Его сила рождена обманом. И это легко понять по аналогии с некоторыми богачами, чья власть изначально родилась из обманов и махинаций, а лишь потом обросла виллами, яхтами, личной охраной и политическим влиянием. Вначале — просто обман.

Кто только не толковал ее?! С изучения этой молитвы можно начинать изучение христианства. Сю же можно и заканчивать.

Она, кажется, известна чуть ли не всем вообще.

И воистину эта молитва есть «сокращенное Евангелие».

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОЛИТВЕ «ОТЧЕ НАШ»

Современный человек знает о лукавом больше, чем о Господе. Знание это не идентифицировано. Оно просто всосано в кровь с молоком матерей и телевизионными новостями. Любой дикарь прежних эпох удивился бы нашей бытовой гордости и безбожью. Родившиеся в самые лютые времена, мы совсем не чувствуем их лютости и ошибочно считаем себя счастливыми на том основании, что у нас есть мобильный телефон, а у Сократа, предположим, его не было. Впрочем, даже имя Сократа мало кому известно в эпоху мобильных телефонов.

Многие никогда не призвали бы Отца Небесного в помощь и заступление, если бы не услышали на затылке горячее дыхание лукавого, жаждущего затащить всего человека целиком в огонь, который не погаснет. Вот почему я думаю, что знакомство с молитвой «Отче наш» (жизненное, а не только теоретическое знакомство) облегчается наблюдением явного и умножающегося присутствия диавола в мире. Раз есть лукавый, об избавлении от которого нужно в молитве просить, значит, есть и все остальное. Раз реален этот обманщик, способный погубить человека и жадно

желающий этого, то, значит, есть и Отец в небесах, и Царство Его, и всё прочее. Так, от противного, осатаневший, но образ Божий не утративший человек может прийти к молитве. Мысль проста: «Есть лукавый. Я вижу его следы. Я чую почти везде смрадное его дыхание. Значит, должен быть и Отец, способный защитить и избавить. Отче наш, да святится имя Твое...».

Молитве мешают самые необычные вещи. Самые бытовые и неожиданные. Например, безотцовщина (без отцов, которые только и сумели, что зачать, но не удержались в семье, чтобы вос-

питывать, выросло и еще вырастет великое множество людей). Или глубокая травма души от того, что отец был домашним деспотом. Одна женщина спросила митрополита Антония: «Кто такой Бог?» Он ответил ей: «Это очень просто. Он — наш Отец!» На что женщина вскричала: «Только не это! Только не это!» Митрополит был поражен этой реакцией и пожелал разобраться. Оказалось, что отец этой дамы был реально ужасен. Пусть останутся за скобками подробности того, бил ли он мать, изменял ли ей, понуждал ли ее к абортам, держал ли детей в паническом страхе. Детали нам не важны. Важно то, что священное слово «отец» для той женщины обросло такими жуткими ассоциациями, что представить себе Бога в виде отца она не могла ни за что.

Сам митрополит Антоний имел противоположный опыт. Его отец был мудрым и заботливым человеком, оставившим глубокий след в душе своего сына. Для Антония не было никакой проблемы в том, чтобы перенести образ земного отца на мысль об Отце небесном. Но оказалось, что это счастье дано не всем.

Продолжение на стр. 2

Окончание. Начало на стр. 1

Так мы с легкостью высказываемся о вещах, очевидных для нас, в полной уверенности, что эти вещи очевидны для всех людей вообще. И потом с большим удивлением обнаруживаем, что очевидное для нас сомнительно одним и неприемлемо для других. Дело может касаться также и молитвы. Насколько же велика ответственность отца! Если он негоден или ничтожен, то как потом молиться его ребёнку? Как верить, что на небе у тебя есть вечный Отец, если даже на земле ты на временного отца смотреть не можешь?

Однажды меня заинтересовал вопрос: будем ли мы читать-петь молитву «Отче наш» на небесах (если, конечно, Господь нас туда допустит)? Я стал думать. И понял вскоре, что почти все прошения этой молитвы — для земли и только для земли. На небе этим просьбам и словам места нет. Судите сами: какой смысл говорить «да приидет Царствие Твое» там и тогда, где и когда ты уже в Царстве? Точно так же просить о том, чтобы воля Божия была одинаково исполняема на Небе и на Земле, нужды не будет, ибо «Бог будет всяческая во всем». О каких «должниках» можно будет вести речь в Небесном Царстве? Кому и что нужно будет еще отпускать? Избавления от каких искушений нужно будет просить? Одним словом, пройдясь по всему тексту молитвы, я понял, что только одно прошение сохранится точно. А именно: «Да святится имя Твое!» Вся молитва словно сократится до одного начального призыва: «Отче наш! Да святится имя Твое!» И потом сразу — «Аминь!»

Вот это можно и нужно будет произносить всем спасенным. Остальное, думаю, отойдет за ненадобностью, как исполненное. Так совершенно необходимая во чреве пуповина отнимается от ребенка навсегда, ибо после рождения в мир она уже не нужна. Она свое отработала. Подобным образом молитва «Отче наш» закончит свое земное служение и отойдет от дел, сократившись лишь до одного славословия: «Да святится имя Твое!»

Откровение Иоанна Богослова изображает Небесную жизнь именно как царство молитвы. Там совершают литургию: поют, совершают поклоны, воскуряют фимиам и проч. Там есть жертвенник с душами умивенных мучеников под ним. То есть существует подобие небесного святилища и богослужения в нем. Но там никто не читает «Отче наш». Там поют песню Моисея — человека Божия. Там поют (кстати, постоянно поют и ничего уже не читают) нечто очень похожее на наши литургические гимны: «Достоин Ты взять книгу и снять с нее печати!» — «Сидящему на престоле и Ангцу благословение и честь, и слава...». И прочее. То есть когда в наших храмах поют Матери Христа «Достойно есть», это вполне в духе Апокалипсиса, в духе Святой Библии. И когда мы на литургии поем «Достойно есть» или Евхаристический канон, то это происходит вполне в духе того откровения, которое видел Иоанн. «Отче наш», повторяю, там никто не читает, потому что эта молитва — живущих на земле.

Хотя у Максима Исповедника есть слова о том, что в молитве «Отче наш» славится Вся Троица, а не только один Отец. Имя Его — это Сын. «Да святится имя Твое» читается в таком случае как «Слава Сыну Твоему». Слава Отца — это Сын. И наоборот: слава Сына — Отец. О Духе же сказано: «Да приидет Царство Твое», ибо Царство Его есть торжество Духа.

Раз так (а сомневаться в словах Максима грешно), то молитва славит Единого в Троице Бога, и есть тогда ей место в вечности. Но это лишь подтверждает глубину Евангелия. И тот Ангел Откровения, что летит по небу, держа в руках «вечное Евангелие», подтвердит эти слова. Молитва ведь дана нам из Евангелия. И раз оно вечно, то «Отче наш» в Евангелии тоже прописано в нем навечно. И у нас всегда есть повод смириться перед глубиной однажды произнесенного Слова.

Что до «хлеба», то лучше всего толковать это слово в духе «ежедневной пищи». Однако «Отче наш» — последняя соборная молитва перед Причащением. Люди, готовящиеся принять Небесный Хлеб, поют «хлеб наш насущный даждь нам днесь». Это

желающий, чтобы ему все служили? Старуха из сказки «О рыбаке и рыбке» не есть ли пример совершенно ничтожного, казалось бы, человека, но тящего в душе сатанинскую гордыню, готовую реализоваться, лишь только выдаться случай? Может ли молиться о пришествии Царства Божия такой человек? Человек, который в таинственной глубине сердца сам хочет быть царем? А если он по привычке молится и произносит положенные слова, то какова цена этих слов?

В области морали молитва Господня богата лишь одной просьбой, в которой скрыто повеление. Молитва увязывает прощение наших грехов (они же — долги) с прощением нами долгов и грехов нашим ближним. Если ты не простишь, ты не будешь про-

смирение знает о себе правду и не мечтает о себе. Оно красиво. Униженность отталкивает, смирение же влечет к себе.

Именно с умом и умной красотой, а не с забитостью и униженностью, связано смирение. Тяжесть смертного греха лежит на тех, кто связал смирение по смыслу с одной лишь униженностью, и не заметил связи смирения с умным самоограничением. От ума и от веры (веры вообще нет без ума) рождается просьба: «Не введи нас во искушение». Голос знания своей слабости, голос смиренного признания своей уязвимости и ограниченности слышен в этих словах. Сравните их со словами: «Я никого не боюсь», «Я все смогу», «Я никогда не изменю своим принципам и правилам», и вы поймете, как далека гордая

му». Христу Бог — Отец по природе, нам — по усыновлению.

Молитва дана Церкви, собранию. Если мы раньше говорили, что можно в личном порядке читать молитву Господню — в транспорте, или на пляже, или перед кабинетом врача, то сейчас мы вынуждены признаться, что лучшим прочтением ее будет прочтение в собрании. Слово «мы» понуждает нас признать, что мы обязаны собираться вместе и молиться одним сердцем и одними устами. И уже получается, что молитву Иисусову удобнее творить всегда и везде в одиночку, в уме или шепотом. А молитву Господню следует возглашать в собрании. Пусть один говорит, а другие слушают и скажут в конце: «Аминь!» Так сказано и о книге Откровения Иоанна: «Благословен читающий и слушающие слова книг и пророчества сего». «Читающий» один, а «слушающих» много.

Редко обращается внимание на окончание молитвы: «Ибо Твое есть Царство, и Сила и Слава во веки. Аминь». В храмовом богослужении эти слова произносит священник и добавляет к ним славословие Троицы, имена Отца, Сына, и Святого Духа. В силу этой многовековой практики миряне даже боятся произнести слова «Ибо Твое есть Царство». Боятся сделать то, что, как им кажется, по праву принадлежит лишь иереям. Но чтение Господней молитвы наедине предполагает, по крайней мере позволяет произносить слова так, как они даны в Евангелии. Этими словами человек исповедует, что Бог силен исполнить просимое, что Слава (взамен нынешней человеческой униженности) и Царство (взамен нынешнего мятежного многоначалия) — у Него. Особенно это видно на святых. Они очевидно для всех принадлежат к иному миру и Божьему Царству. Через них совершаются силы и знамения, исцеления и заступления. И там, где смерть унижает человека и словно превращает его в ничто, святые продолжают участвовать в истории, жить по смерти и являть славу Божию. Вся церковная жизнь, и молитва особенно, оживает на примере святых и замирает, превращается в тяжелые, непонятные ризы обряда на обычных людях, не достигших, да и не стремящихся к святости.

Молитва Господня переведена на все языки, включая самые малые и исчезающие. Пройти мимо нее невозможно, а найдя ее, невозможно не произносить ее часто в разных ситуациях: утром и вечером, перед едой или путешествием, в храме на службе или тайно, в уме, по дороге на работу. Это неистощимая богословская пища для ума и сердца человеческого. Пища простая, словно хлеб, но столь же необходимая.

Возможно, эту молитву читала Богородица. Ее, несомненно, произносили в евхаристических собраниях Петр, Андрей, Иоанн, Иаков. Ее, как непремную и необходимую часть Предания, передавали ученикам и слушателям все, кто разносил по миру Благою весть о всеобщем человеческом искуплении. С этой молитвы удобно начинать и новый день, и обучение тайнам и премудростям Церковного богословия. При всей своей очевидной краткости, плотность смыслов в этой молитве такова, что каждый, без исключения, священник или епископ при желании сможет сказать об этой молитве нечто свое, лично прочувствованное, лично понятое сердцем на путях общения с Богом Отцом и Сыном Его Иисусом Христом во Святом Духе.

Протоиерей Андрей Ткачев

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОЛИТВЕ «ОТЧЕ НАШ»

неслучайно. Раз уж у нас есть хлеб, то должна быть и Евхаристия. Как правило (история тому доказательство и свидетель), где прекращается Евхаристия, там начинается и нехватка телесной пищи. «Насущный хлеб» — это хлеб, соответствующий сущности. А сущность наша двойственна. И просто хлебом, как говорит Христос при искушении в пустыне, мы жить не можем. Нам нужен и обычный хлеб, и слово Божие. Оба вида пищи сущностно нужны. Соединение того и другого дается нам в Евхаристии.

Евхаристия невозможна без обычного пшеничного хлеба. Сначала он — обычный плод земли, с таким трудом добываемый людьми по данной им от Бога Премудрости. Но слово Божие и молитва Церкви, дыхание Духа и благодарение делают потом земное Небесным. Только так и должен питаться человек. Он не может только молиться — без еды. Пока ему это недоступно. Но он не имеет права и есть, не молясь. Обе стороны существования соединяются и примиряются в Евхаристии, в Преломлении Хлеба. Хлеб Евхаристии становится истинно «насущным», то есть действующим на обе стороны нашего существа. Иначе «просто хлеб» «просто кормит» нашу земную и не главную часть.

Мир хочет свести христианство к одной только морали и напрочь лишит христианство мистики. Мистика — это всегда страшно и тревожно. Она, если только где появится, всегда готова утянуть всего человека или хотя бы часть его в какие-то неведомые области, в тайну и ужас. Гораздо легче и безопаснее проповедовать религию морали — для земли и от земли. Даже такое слово, как «Царство», может легко отторгаться от души современного человека. Он ведь у нас сегодня «демократ» до мозга костей, чем неслыханно гордится. Но наличие Царя и просьба о наступлении Царства — это совершенно особый настрой ума, предполагающий готовность служить и покоряться. А.Ф. Лосев в «Диалектике мифа» обмолвился, что идея монархии вообще вытекает из православной догматики с неизбежностью. То есть сознание христианина монархично по определению, ведь он — сын Царства. С какими мыслями произносит молитву «Отче наш» человек, не желающий служить никому, но

щен. При этом как бы само собой разумеется, что как у тебя есть должники, так и ты должен. Несовершенство падшего мира в кратких словах здесь безошибочно зафиксировано. У нас всегда будут должники. Мы сами всегда (в рамках земной действительности) будем должны и людям, и Богу. И нам нужно научиться прощать и забывать. Если этого не сумеем, не научимся, блаженная вечность улетит от нас как сон.

И в этой чисто моральной, казалось бы, проблематике нас опялят настырно встречает мистика. Кто не знает, как тяжело, а иногда и невозможно прощать? Просто так простить человека, может быть, и невозможно в принципе. Нужно иметь нечто особое в душе и мыслях, чтобы забывать, прощать и всячески вытеснять из сознания негативные реакции на действия ближних. И что же это? Это тайна Креста Господня!

Сегодня, когда Спаситель умер на Кресте и воскрес из мертвых, молитва «Отче наш» удобно читается, но она трудно и непонятно читалась тогда, когда Христос еще не страдал и не воскрес. Зато теперь, когда Искупление совершенно, мы знаем, какой Ценой куплены. Нам, знающим Господа, нельзя злиться и злобствовать. Злопамятство, мстительность и всякое лукавство в житейских делах говорят только об одном: человек не знает Христа. Он до сих пор не прощен, поскольку сам никого не прощает. Или наоборот: Он не прощает, потому что сам не пережил покаяния и не почувствовал прощения. Сердце в нем не изменилось, душа не перевернулась. Он все еще человек мира сего.

Те, кого простили, обычно умеют тоже прощать. Житейская практика здесь увязывается с мистикой, и личный религиозный опыт либо рождает измененное моральное поведение, либо обнаруживает свое отсутствие. Молитва Господня есть молитва человека, чувствующего свою вину, знающего своего Искупителя и стоящего перед лицом Его.

Одно из свойств ума — знать границы своих возможностей. Гордый глуп, ибо не знает границ. Космос вообще только потому и красив, что имеет соразмерные границы. Хаос же страшен и безобразен, ибо бесформен. Греки это чувствовали лучше всех. Хаос — это гордость. Ум и красота — это мудрая ограниченность. Где-то рядом находится и смире-

самоуверенность от Духа Божия. Дух Божий рождает меру. Мера — это и есть смирение.

Между тем, молитву Господню читала как один Церковь первенствующая, Церковь мучеников. Неодолимый в страданиях святой Георгий, негибимые в мужестве и терпении святые Варвара и Екатерина, сотни и тысячи других страдальцев произносили от сердца слова: «Не введи нас во искушение». Они признавали за собою слабость и тем самым давали место силе Божией. «Когда я немощен, тогда силен», — говорит Павел, выражая духовный опыт Церкви Христовой. Немощные, но верующие бывают подлинно сильны и способны на невозможное, так как с ними Господь. Гордые дуются как пузырь и лопаются неизбежно, что можно проследить и на истории отдельных личностей, и на истории отдельных цивилизаций.

А еще мы ничего не сказали о том, что молитва дана не отдельному человеку, а общине. «Отче наш» — это совсем не то же самое, что «Отче мой». Христос имел право так говорить в Гефсимании, и раньше, и когда бы ни захотел. Он — Единородный у Отца. Других Сынов, рожденных из Ипостаси Отца, у Отца нет. Но нам нельзя так молиться. Не будь мы вообще Церковью усыновленных и искупленных, мы молились бы в лучшем случае — «Творче наш». Бог не был бы нам Отцом, но в лучшем случае Творцом, Которого мы признаем. Само звание «Отче» — уже подарок тем, кто верит в Единородного. И вера эта не дана каждому в одиночку. Вернее, обретенная в одиночку, вера затем повелевает нам собираться вместе.

Мы — община и Церковь. Откровение подарено не отдельным личностям, а Телу Церкви. Нам нужно молиться вместе. Потому Христос и говорит нам: «Молитесь так»... А далее — «Отче наш» (а не «Мой»). И даже находясь в пустыне, в которой, к примеру, Онуфрий Великий провел 63 года, надо все равно молиться — «Отче наш», а не «Отче мой», ибо одно дело — молитва Христа, а другое дело — молитва простого человека.

Одно дело — Отец наш, и другое — Отец Христов. Он — один и Тот же, но отношения наши и Христа с Ним — разные. Посему во Воскресении Господь сказал: «Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему».

...Все любители собак знают, как богата мимика у этих четвероногих. Есть ли такое состояние души, которое собака была бы не способна ясно выразить? Всё, всё что угодно! Начиная от простых эмоций, таких как страх, ярость, радость, грусть, — и кончая тончайшими оттенками чувств. Вот, к примеру, собачья радость — как она может выражаться? От бурного восторга до тихого, задумчивого счастья — со всеми промежуточными ступенями, со всеми оттенками и полутонами.

СО ВСЕМ КАК ЛЮДИ

Надеюсь, не удивлю никого, сказав, что собаки умеют смеяться. Умеют, умеют!.. И как же они смеются? Самыми различными способами. Они могут радостно хохотать, могут улыбаться во всю пасть, могут изображать вежливую улыбку (например, при встрече с дальним знакомым своего хозяина), могут насмешливо скалиться, могут заискивающе лыбиться... Друзья, вам не придумать такую разнообразность смеха, которая была бы недоступна собаке! Помню, мой кот (никогда прежде не выдавший собак) с воинственным урчанием начал наступать на огромную чёрную кровожадную дворнягу. Неразумный кот шёл навстречу верной гибели, но дворняга не спешила пустить в ход зубы: ей вдруг стало смешно. Надо было видеть, сколько самой ядовитой иронии отразилось в ухмылке этой жутковатой псины:

— Шипишь? Смелый, да? Ну шипи, шипи — разрешаю! Живи, пока у тебя добрая!

Потом развернулась и ушла, посмеиваясь. Да что там смех! Нет ни одной человеческой эмоции, которая была бы недоступна собачьей мимике. Даже такие высокие чувства, как благоговение, сердечная любовь, глубокое раздумье, искреннее раскаяние, эстетический восторг (да, да! вам любой охотник подтвердит, что собака отлично чувствует красоту природы) — всё это собака может выразить очень ясно.

Погодите, но ведь дело, собственно, не в мимике... Мимика — это только отражение некоего душевного движения, и если собака способна выразить определённую эмоцию, значит... Значит, она способна и ощутить её! Она способна благоговеть, способна раскаиваться, способна безкорыстно любить, способна сострадать...

Совсем как человек! Да нет... Лучше человека. Именно так. Вам что, никогда не приходилось видеть людей, не способных ни на раскаяние, ни на любовь, ни на преклонение перед чем-то, что выше его?..

Что же получается? Что душою собака выше нас с вами? Выходит, что все лучшие наши качества вполне доступны собакам?

Так что же?.. Где, в чём скрывается наше преимущество перед прочими млекопитающими? В том, что все мы знаем таблицу умножения, а некоторые из нас и квантовую механику постигли? Что ж, собака не может исчислять логарифмы, зато она обладает потрясающим чутьём, о котором нам и мечтать не приходится. И как ни крути, а математические способности — это такой же вспомогательный инструмент души, как и собачья способность различать тысячи запахов, — в этом смысле между двумя этими талантами нет ни малейшей разницы.

Я сейчас говорю о собаках, потому что с другими животными знаком гораздо хуже (о кошках особый разговор — они тоже порой восхищают своим душевным богатством, но иначе, чем собаки). Однако часто приходится слышать рассказы людей бывалых, которые утверждают, что и прочие, так сказать, представители фауны способны показывать чудеса. Вспомните хотя бы про медведей-меломанов, часами слушающих мелодичное дребезжание древнейшей щепки... А случалось ли вам читать о бобрах? О, это невероятно!..

И вот теперь, как говорилось в известном фильме: «Меня терзают смутные сомнения...» — сомнения в ценности нашей хваленной человеческой души. А что, если она не более чем обычная, заурядная звериная душа?! И когда мы, восхищаясь умной собакой, умиленно восклицаем: «Они же совсем как люди!» — нам следовало бы на самом деле кричать от ужаса: «Мы же совсем как они!..»

Где он, «царь природы»? Где венец творения? Где, наконец, образ и подобие Божие? Время вспомнить слова древнегреческого философа: «Человек — это двуногое животное без перьев». А что ещё вы можете прибавить к этому определению? Неужели ничего? Но ведь что-то прибавить надо. Но ведь чем-то мы всё-таки превосходим братьев наших меньших. Неужели мы называемся братьями старшими только в силу своей гордыни?

Но, между прочим, сами животные безоговорочно признают превосходство человека. Тому есть множество примеров, я вспомню один из собственной практики. Я видел пса, который (поверьте, друзья!) умел довольно внятно произносить два-три человеческих слова. И произносил их, если его очень об этом просили. А уговаривать его приходилось потому, что он ужасно стеснялся и, сказав, к примеру,

одно живое существо, о том, что мы должны знать своё скромное место...

Может быть, всё дело в том, что мы всё ещё недостаточно люди? Мы похвляемся своими добрыми качествами, доступными большинству высокоорганизованных животных, и не понимаем, что человеческое — это выше, много выше. Мы всё ещё «совсем как они» и не достигли того, чего должны достигнуть. А что же это — таинственное недосыгаемое?

Это — святость. Только святость поднимает человека над миром четвероногих, только святой — это собственно человек. Мы все делаем вид, будто святость — это нечто сверхчеловеческое, некое доброе излишество, что-то, что хорошо, но не обязательно. И так проживём! Я, конечно, не святой, но с меня и этого довольно.

Да нет, сдаётся мне, что не святой — «сверхчеловек», а мы — «недочеловеки» (простите за такую терминологию). Хорошо, скажем иначе: не святой «набрал лишнего», а мы «недобрали необходимого». В конце концов, именно сказано некогда: «...будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф.5,48). Совершенный — значит святой. И сказано это не двум-трём человекам и даже не двенадцати ближайшим ученикам, но всем вообще. И вам. И вам. И мне. И тебе.

«мама», тут же поджимал хвост и прятался под стол. Он как бы говорил: «Простите, я, кажется, залез выше, чем мне положено от природы...» Он отлично понимал субординацию высленной и не претендовал на звание старшего брата.

Словом, непременно надо что-то прибавить к формуле древнегреческого мудреца. И заметьте: это «что-то» будет скрываться не в интеллектуальной сфере. Честное слово, я видел иных собак, что были умнее иных людей. Нет, нет, интеллект тут ни при чём, не в нём наше превосходство. Равно как и не в эстетическом чувстве. С песней соловья не сравнится никакая человеческая музыка, а ведь соловей не механически воспроизводит заложенные в него программой звуки — он творит свою песню, как творит свою музыку человек-композитор.

Так чем же, чем же мы лучше животных? Ведь сейчас, в нынешнее лукавое, безчеловечное время вражеские силы уже начали спекулировать на этом нашем недоумии и прямо говорят о «правах животных», о том, что человек ничем не превосходит ни

Наш долг перед Богом — стать святыми. А это значит — стать людьми. Пока же этого не случилось, мы остаёмся «такими же, как они» и, сравнивая себя с животными, зачастую вынуждены краснеть от стыда.

Впрочем, нет. Есть у всех у нас — даже у не совсем хороших, даже у совсем плохих, — есть одно отличие в лучшую сторону от животных. Мы можем стать святыми. Мы можем, а они нет. Их предел совершенства — стать нашими верными слугами. И они страдают от нашего несовершенства. «...Вся тварь совокупно стенает и мучится доньне» (Рим.8,22). Потому и стенает, что не может дожидаться, когда же человек станет ей в полной мере старшим братом, когда он займёт своё царское место и начнёт мудро править, как это было некогда. До тех пор все животные — это как бы «безотцовщина», «безпризорники»...

И когда смотрю на икону, где преподобный Серафим кормит медведя, я воспринимаю её как некую картинку из будущего: вот так должно быть, вот это — норма, и так будет однажды.

Алексей Бакулин

Мудрые слова

«Говорят, храм скучен. Скучен, потому что не понимают службам! Службам надо учиться! Скучен, потому что не заботятся о нём. Вот он и кажется не своим, а чужим. Хотя бы цветов принесли или зелени для украшения, приняли бы участие в хлопотах по украшению храма — не был бы он скучен».

Прп. Анатолий Оптинский

«Бог нас всегда окружает теми людьми, с которыми нам необходимо исцелиться от своих недостатков».

Схимонах Симеон Афонский

«Вы говорите: «Где Господь?» На обочине жизни вашей, оттого и жизнь ваша уродлива. Будь Господь в центре её, где быть Ему надлежит, и жизнь ваша выпрямилась бы, и видели бы Господа, и не страдали бы в поисках Его, вопрошая: «Где Господь?»»

Свт. Николай Сербский

«Прости меня, Господи, смягчи моё сердце и научи меня смотреть не за тем, как ко мне люди относятся, а за тем, как я к людям отношусь. И если они относятся враждебно, внуши мне, Господи, платить им любовью и добром и молиться о них».

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

«В духовной жизни нет «завтра» — спасай свою душу сейчас».

Старец Симеон Афонский

«О трёх предметах не спеши рассуждать: о Боге, пока не утвердишься в вере; о чужих грехах, пока не вспомнишь о своих; о грядущем дне, пока не увидишь рассвета».

Свт. Николай Сербский

«Не смешивайтесь с толпой нечестивых людей, сторонитесь их, чтобы не заразиться духовным смрадом, ищите общения с людьми чистыми, благородными, праведными пред Богом. Их очень немного, но они есть рядом с каждым из нас. Прилепите к ним сердцем... Идите туда, где чисто, добро, свято; не ходите на те увеселения и зрелища, которых так жаждет грязная толпа, дикими криками восторга приветствующая то, что не заслуживает приветствия. Бойтесь встреч, опасных для души!»

Свт. Лука Крымский (Воин-Ясенецкий)

«Ещё не успел я начать подвиги благочестия, а уже заразился тщеславием. Ещё не успел вступить в преддверие, а уже мечтаю о внутреннем святилище. Ещё не положил начатков жизни богоугодной, а уже ближних моих обличаю. Ещё не узнал, что есть истина, а хочу быть наравне с другими. Душа моя! Всё даровал тебе Господь — смысл, разум, ведение, рассуждение, познай же полезное для тебя. Как мечтаешь ты сообщать свет другим, когда ты сама погружена ещё во тьму? Врачуи прежде самоё себя, а если

не можешь, то оплакивай слепоту свою».

Прп. Ефрем Сирий

«Святые никогда не оскорбляли грешного человека перед другими людьми, но с любовью и духовной деликатностью тайным образом способствовали исправлению зла. Мы же, несмотря на то, что являемся грешниками, делаем обратное (как лицемеры). Только человеку, находящемуся под властью демона, прощительно выставляют людей на позор перед посторонними, напоминая им об их прошлом, чтобы поколебать немощные души. Нечистый дух не выносит на свет добродетели людей, но лишь их немощи. Однако люди, свободные от страстей и не имеющие в себе зла, исправляют зло добром».

Прп. Паисий Святогорец

«Как узнать, живёшь ли ты по воле Божией? Вот признак: если ты скорбишь о какой-либо вещи, то, значит, не вполне предался воле Божией. Кто живёт по воле Божией, тот не заботится ни о чём. И если ему нужна какая-либо вещь, то он и себя, и вещь предаёт Богу; и если не получит нужную вещь, то всё равно остаётся спокоен, как если бы имел её. Душа, которая предалась воле Божией, ничего не боится: ни грозы, ни разбойников — ничего. Но что ни случится — она говорит: «Так Богу угодно». Если болен — думает: значит, мне нужна болезнь, иначе бы Бог не дал мне её. И так сохраняется мир в душе и теле».

Прп. Силуан Афонский

«Ангел открыл некоторому святому иноку следующий порядок мыслей в молитве, благоудный Богу: «Начало молитвы должно состоять из славословия Бога, из благодарения Богу за безчисленные благодеяния Его; потом мы должны принести Богу искреннее исповедание грехов наших в сокрушении духа; в заключение можем предложить, впрочем, с великим смирением, прошения Господу о наших нуждах душевных и телесных, представляя благоговейно исполнение и неисполнение этих прошений Его воле».

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

«Он может иногда ходить в церковь по воскресеньям, держать в своей библиотеке современные духовные книги, в гостиной — старые иконы, в руках — чётки, может подавать небольшую милостыню. Однако он злится из-за несоответствия других людей его ожиданиям, жаден до денег, погружён в эгоизм, жажду комфорта, беспокойство, конкуренцию. И это — не жизнь во Христе. Здесь пахнет смертью. Чем сегодня отличается христианин от остальных людей? Если у него нет долготерпения, кротости, радости, простоты, и особенно смирения, это означает, что он ничего не понял о жизни во Христе».

Старец Моисей Святогорец

Перед началом литургии священник с воздетыми руками молится о снисхождении на молящихся Духа Святого. Читается молитва «Царю Небесный», а затем дважды повторяется: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». То есть верующие благодарят Бога за мир на земле и благу волю. К сожалению, мир вокруг нас свидетельствует, что дары эти мы не спешим принять. Все воюют против всех. Люди превращаются в пиратов и пираний. Особенно больно видеть, как распадаются семьи из-за кривоверия и безбожия.

ЧУДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Недавно узнал, что в 1926 году на сто бабушек приходилось пятьсот внуков. В наше время — восемьдесят один, то есть мы вымираем. Да и моральные качества тех внуков, что были раньше, и нынешних — различны. Те хотели и умели творить, а эти — лишь потреблять. Те любили Родину, а эти понятия о ней не имеют.

Церковь венчает мужа и жену во брак общения. Это значит, что у них должны быть общие дела, слова, заботы, интересы. Но на это общение покушаются айфоны, телевизор, компьютер, бульварное чтиво и многое другое. Детей — минимум, хотя жить для себя, а потом удивляются, отчего же брак распался. А оттого, что утрачен его смысл. Оттого, что в семейном союзе видят только удовольствие, но не послушание.

Мою маму, Василису Никифоровну, рано выдали замуж — за учителя, который вскоре умер от чахотки. Успели родить девочку. Потом выдали за вдовца с двумя детьми. В 1929-м семью раскулачили. Из-под Царицына увезли на Печору, на лесозаготовки. Перезимовали в землянке, а весной часть людей, в том числе маму, отправили на сплав. Когда вернулись, их встречало горе. Вымерла половина посёлка, в том числе мамин муж, дочка и все её родные. С голодухи наелись грибов, которые оказались ядовитыми. В 39-м мама снова вышла замуж, родив мою старшую сестру Клавдию, в будущем схимонахиню Анну. Но вскоре после начала войны мужа с его братом мобилизовали, а через несколько месяцев пришли похоронки на обоих. Мой отец стал четвёртым мужем мамы. Несмотря на то, что столько пришлось пережить, я ни разу не видел её в состоянии истерики, не слышал, чтобы она роптала. Господь всегда был с ней. В нашем посёлке были мужские и женские общежития, которые быстро пустели. В одиночку жить было слишком трудно, а где двое, там вскоре появляются дети, особенно когда телевизор не отвлекает от того, чтобы жить самому и давать жизнь другим. В таких семьях нередко любят друг друга и чтят Бога, Который, конечно, о Своих детях заботится.

Так было и у нас. Так было, но осталось в прошлом. К счастью, не для всех.

Однажды получил письмо. В нём было 22 страницы, исписанных незнакомой мне тогда бабушкой. Сначала отложил его, но потом собрался с силами и стал читать. Письмо было от Валентины Георгиевны, инвалида первой группы. Сорок четыре года она прикована к инвалидной коляске, но письмо от начала до конца было проникнуто благодарностью к Богу. За верного и любящего мужа, за дочку и сына, за внуков и их семьи, за всех хороших людей, повстречавшихся на жизненном пути. Рассказывалось о чудесных исцелениях, о том, как не чаяли уже получить льготную повышенную пенсию, но по молитве к Божией Матери начислили даже больше, чем ожидали; о покупке земельного участка со скважиной, где иссякла вода, но бывший владелец, узнав об этом, приехал из соседней области и привёз насос. Двадцать одна страница благодарностей и лишь в последней просьба помолиться за сына Дмитрия, который, возвращаясь с вахты, расслабляется с помощью алкоголя, так что вот-вот потеряет семью. Руки у сына золотые, ценят его, но школа разлучила его с Богом, похвалы возрастили гордость. А когда благодать Божия отходит, человек и пытается заполнить пустоту алкоголем. Как с таким жить? Будем молиться за Дмитрия. Быть может, удастся Господу ему помочь, если он и сам Его об этом попросит.

Вот, скажем, год назад ко мне подошёл наш прихожанин Александр. Попросил: «Батюшка, благословите бросить курить. Сорок лет курю, с десяти лет, и бросить никак не могу». Помолился, благословил словами: «Бог благословляет бросить курить. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». С того часа бросил, и больше его не тянет к этому. Расценивает это как чудо, а обо мне думает, что я вроде как чудотворец. На что я отвечаю: «Это совершил Бог по твоей вере в Него». Обсуждаем этот случай за чаем. Дмитрий, друг Александра, собирается на перекур. «Дима, — говорю, —

возьми благословение бросить и... бросишь». «Нет уж», — смеётся он и спешит за дверь. Что ж, и за Диму будем молиться.

Но вернёмся к Валентине. Быть может, недуг, заботы друг о друге спаяли их семью. Была бы здоровой — неизвестно, как всё могло повернуться. Как бы поступил муж, не обременённый заботами о супруге? Это, конечно, знает только сердцеведец Бог. Раньше супругов чаще всего разлучала лишь смерть. Потом всё начало меняться, и только в одну сторону. Для моих сверстников главным предложением к разводу было «не сошлись характерами». Сейчас — потому что «разлюбил» или «разлюбила». Да уж какая там любовь? Иногда мужей и жён меняют, как машины и другие вещи, которые надоедают. Чаще всего женятся по инерции: потому что так надо. Это, конечно, не настоящая семья, а игра в неё, где ни он, ни она не знают правил, в том числе главного: что семья — это чудо, дарованное Богом и без Него невозможное. У одного человека жена стала успешной предпринимательницей, а он у неё был главный работник. Помучился-помучился, а потом оставил семью со словами: «Мне нужны не деньги, а нормальная семейная жизнь». Их свидетель на венчании попросил меня эту пару помирить, но они в храме так и не появились. Решили, что сами разберутся. Разобрались... Иной раз ходит ко мне человек, стонет, плачет — он и богат, и считает себя добрым, но не понимает, почему жена видеть его не может. Я для него что-то вроде сантехника, который чинит семьи. Заплатил — и порядок. Ропщет, что заставляю книжки читать. С трудом подвожу к исповеди и причастию, к тому, чтобы понять, что же с ним, что не так.

Ещё лет десять назад нередко удавалось помочь в таких ситуациях, но чем дальше, тем реже. Оскудеваем. Всех, кто дожил до семидесяти лет, сохранив семью, считаю чудотворцами. Таких, к сожалению, нынче очень мало.

Игумен Игнатий (Бакаев)

РАСПИСАНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ

в храме святителя Тихона, Патриарха Московского и Всероссийского, на Кончаловских горах

1 декабря. Воскресенье.
Неделя 24-я по Пятидесятнице. Мчч. Платона и Романа. 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Молебен водосвятный.

3 декабря. Вторник.
16:50 Исповедь. 17:00 Всенощное бдение.

4 декабря. Среда.
Введение во Храм Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Молебен с акафистом.

5 декабря. Четверг.
17:00 Вечерня. Утреня.

6 декабря. Пятница.
Блгв. вел. кн. Александра Невского. 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. 16:00 Молебен с акафистом Пресвятой Богородице в честь иконы Ее, именуемой «Иверская», в Иверской часовне. 17:00 Вечерня. Утреня.

7 декабря. Суббота.
Вмц. Екатерины. 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Панихида. 16:00 Молебен с акафистом свт. Тихону, Патриарху Московскому и Всероссийскому. 16:50 Исповедь. 17:00 Всенощное бдение.

8 декабря. Воскресенье.
Неделя 25-я по Пятидесятнице. Отдание праздника Введения (Входа) во Храм Пресвятой Богородицы. Сщмч. Климента, папы Римского. 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Молебен водосвятный.

9 декабря. Понедельник.
17:00 Вечерня. Утреня.

10 декабря. Вторник.
Иконы Божией Матери, именуемой «Знамение». 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Молебен с акафистом.

12 декабря. Четверг.
17:00 Вечерня. Утреня.

13 декабря. Пятница.
Апостола Андрея Первозванного. 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. 16:00 Молебен с акафистом Пресвятой Богородице в честь иконы Ее, именуемой «Всецарица», в Иверской часовне. 17:00 Вечерня. Утреня.

14 декабря. Суббота.
Прав. Филарета Милостивого. 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Панихида. 16:00 Молебен с акафистом

свт. Тихону, Патриарху Московскому и Всероссийскому. 16:50 Исповедь. 17:00 Всенощное бдение.

15 декабря. Воскресенье.
Неделя 26-я по Пятидесятнице. Прор. Аввакума. 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Молебен водосвятный.

16 декабря. Понедельник.
17:00 Вечерня. Утреня.

17 декабря. Вторник.
Вмц. Варвары. 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Молебен с акафистом.

18 декабря. Среда.
16:50 Исповедь. 17:00 Всенощное бдение.

19 декабря. Четверг.
Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца. 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Молебен с акафистом.

20 декабря. Пятница.
16:00 Молебен с акафистом Пресвятой Богородице в честь иконы Ее, именуемой «Иверская», в Иверской часовне. 17:00 Вечерня. Утреня.

21 декабря. Суббота.
Прп. Патапия. 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Панихида. 16:00 Молебен с акафистом свт. Тихону, Патриарху Московскому и Всероссийскому. 16:50 Исповедь. 17:00 Всенощное бдение.

22 декабря. Воскресенье.
Неделя 27-я по Пятидесятнице. Зачатие прав. Анно Пресвятой Богородицы. 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Молебен водосвятный.

27 декабря. Пятница.
16:00 Молебен с акафистом Пресвятой Богородице в честь иконы Ее, именуемой «Всецарица», в Иверской часовне. 17:00 Вечерня. Утреня.

28 декабря. Суббота.
Сщмч. Илариона, архиеп. Вереяского. 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Панихида. 16:00 Молебен с акафистом свт. Тихону, Патриарху Московскому и Всероссийскому. 16:50 Исповедь. 17:00 Всенощное бдение.

29 декабря. Воскресенье.
Неделя 28-я по Пятидесятнице, святых праотец. 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Молебен водосвятный.

По договоренности со священнослужителем в храме совершаются таинства крещения, венчания, соборования, а также отпевание в храме, панихиды и литии на могилах. Возможны освящение транспортных средств, квартир, причащение и соборование болящих на дому, молебны перед началом добрых дел, путешествий и т.д. Телефон священника: 8 (484) 39 4-75-15, 8 (903) 109-35-66. Электронный адрес: hram_st@obninsk.ru.

Проезд до храма святителя Тихона на авт. №№ 2, 3 до остановки «Кончаловские горы».